

18+

Наташа Гейден

Дань памяти

Наташа Гейден

Дань памяти

«Издательские решения»

Гейден Н.

Дань памяти / Н. Гейден — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983238-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Знает ли кто-то, что предначертано нам судьбой, или вся наша жизнь — лишь череда необъяснимых случайностей? Героиня книги не знает точного ответа, она лишь рассказывает свою историю, очень личную и откровенную. Счастливое детство, яркие эмоции, близкие люди рядом... Но всё изменилось практически в один миг. Как пережить смерть родных, отпустить прошлое, простить все обиды и начать жить заново? Есть только один надёжный способ — любить и верить. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983238-2

© Гейден Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. «Детство»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дань памяти

Наташа Гейден

Корректор Александра Макарова

Дизайнер обложки Евгения Язвенко

© Наташа Гейден, 2020

© Евгения Язвенко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3238-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Время лечит раны? Нет. Со временем они затягиваются, а глубокие шрамы остаются на всю жизнь. Ты помнишь всех, кто был с тобой в течение жизни, и не можешь отпустить их, когда они давно покинули этот свет. Когда теряешь самого близкого тебе человека, наступает ступор и непринятие, потом – обманчивое ощущение, что можно все как-то исправить, затем – злость, обида, что тебя бросили, и ты живешь с этой обидой долгие годы, не давая покоя себе и усопшему. Долгом перед покойными станет моральная обязанность просто помнить. Лелеять в душе все памятные минуты жизни, проведенные вместе с ними. Не злиться, не обижаться, а отпустить. Помнить и молиться за родных людей, которых больше нет и не будет. Отдать дань. Дань памяти.

Посвящается моим родным людям, которых больше нет: маме, папе и любимым бабушкам. Светлая память, мои дорогие! Вы всегда в моем сердце.

Вы когда-нибудь задумывались, зачем Вы вообще живете? Уверена, что да! Если бы у Вас был выбор и Вас спросили, стоит ли рожать Вас или нет, что бы Вы ответили? Только честно. Вот я бы ответила: «Нет». Почему? Да потому что, рожая кого-то, Вы не задумываетесь, какая судьба уготовлена Вашему чаду и что может с Вами произойти. И не думаете о том, что если Вы умрете, то обречете своего ребенка на большие муки. Я ничего не имею против матерей. Наоборот, готова всем мамам поставить памятник при жизни за их терпение, полную отдачу и истощенные нервные клетки. Это нормальным мамам, достойным того самого памятника. Которые жизнь отдадут и убьют за своего ребенка. Мама, которые о себе думают в самую последнюю очередь и стараются дать своему ребенку самое лучшее. Не судите сразу строго, попытайтесь понять и поразмыслить над тем, что я Вам расскажу. Я иду в разрез с правилами и стереотипами. Я мыслю и смотрю на жизнь иначе, не так, как все. У меня нет друзей, и я этому рада. У меня нет детей, и я их не хочу. У меня почти не осталось родственников, но к этому я привыкла. Я почти никогда не плачу. Я ношу маску улыбчивой и счастливой девушки. Но что происходит в моей голове – одному Богу известно. Я сломалась еще в подростковом возрасте, когда умерла моя мама. А потом меня ломали снова и снова: мой отец, так называемые друзья, подруги и родственники: они все бросили меня. Меня спасла любовь. Я встретила человека, за которого убью и жизнь отдам. Я сильно его люблю. Так сильно, что даже страшно... И сейчас я вроде бы счастлива. Да не вроде бы, а реально счастлива. Но я не могу наслаждаться счастьем, потому что я боюсь, мне страшно. Страшно, что снова что-то случится, и я всегда жду удар в спину, только не знаю, откуда, а от этого еще страшней. Я боюсь одиночества, поэтому хочу «пришить» к себе любимого человека. Мне страшно за то, что будет дальше. Ведь будущее – это загадка. А неизвестность всегда и всех пугает. Моя сломленная нервная система и искалеченная душа дают о себе знать сейчас, спустя долгие годы. А начиналось все более чем прекрасно. Моя жизнь зарождалась в окружении заботливых и любящих людей. У меня было все. И самое главное – у меня были мама и папа, которых мне так не хватает. Мне так хочется снова увидеть их, крепко обнять и почувствовать тепло их тел. Но в последний раз я ощущала холод на губах от прикосновения к холодному лбу любимой мамы и дорогого папы. Они покинули меня в разный период времени с разницей почти в 20 лет. Но холод на губах и чувство, что я вижу их в последний раз в жизни, я запомнила навечно.

Глава 1. «Детство»

Я до сих пор помню то чувство любви и безопасности, заботы и уюта, то, чем меня окружали родные. Я помню, как на четырехлетие мама подарила мне красного смешного слоника, как каждое лето вся семья праздновала мой день рождения на даче. Меня с утра будили песней «Happy birthday to you» [1] с самодельным тортом из коржей, промазанных кремом из сгущенки, сливочного масла и грецких орехов, украшенным свежей клубникой с грядки. Я помню запах лета, скошенной травы и свежести. Как я скучала, когда родители уезжали на неделю, а меня оставляли с бабушкой и прабабушкой, которые души во мне не чаяли. Но я все равно плакала, потому что очень не хотела разлуки с любимыми мамой и папой. А еще на выходные приезжал дед. У нас была собака Мишка, а потом появился котик Мартик. Их сейчас нет, но они для меня всегда живы. Как мама, папа, бабушки и мои воспоминания.

Мой папа начал очень хорошо зарабатывать, когда мне было лет шесть. Моя мама ушла с работы и посвятила всю свою жизнь мне, она жила жизнью своего ребенка. Меня пристроили в музыкальную школу, и я начала учиться играть на пианино. Как говорится, талантливый человек талантлив во всем – так это про меня. Помимо отличной учебы в музыкалке, я лепила из пластилина, писала стихи и сочиняла рассказы, рисовала, пела, стала старостой в школе и училась на одни пятерки. Со мной все девочки хотели дружить. Я нравилась всем мальчикам в классе. Я всегда и везде была первая. Так и в музыкальной школе. В восьмилетнем возрасте я выиграла международный конкурс, и меня короновали в московской консерватории. Мне лично вручал гипсовую медаль, диплом победителя и цветы известный композитор и ученик Шостаковича Хачатурян. А потом я резко слегла. Врачи диагностировали нервную истощенность. Конечно. Я занималась по 6—8 часов в день. На конкурсе выдавала такие произведения, что под силу только выпускникам и студентам консерваторий. Мама переживала больше меня, а я вообще практически не волновалась. Только немножко перед выступлениями. Но, так получилось, что я заработала нервный срыв. А потом меня приглашали в Германию на очередной конкурс. Но моя мама отказалась и забрала меня из музыкальной школы на лечение.

В моей семье было 7 человек: я, мама, папа, баба Света, прабабушка (баба Тата), дед Коля и мой крестный отец Олег (Анкл). И много родственников: жена Олега Лидия, ее мать Женя, отец Кирилл и долгожданная дочка Верочка. А еще сестра моей прабабушки, ее муж, дочь с мужем и их дочка. А еще сын прабабушки, его жена, их дочка с мужем и их дочка. И подруги моей мамы. Только они все куда-то делись после моего рождения, а одна осталась – Ирина. Ах да, еще у меня были баба Нина и дед Ваня – это родители моего отца, а у них еще был сын, его жена и их сын – мой брат. В общем, родственников было много, и все они все время приезжали и приходили на всевозможные праздники и торжества моего семейства. Все дарили друг другу подарки и говорили разные слова. Иногда ругались, но потом мирились. Кто-то иногда покидал этот свет, и все ездили на кладбище, пили, ели и разговорили обо всем на свете, но только не о том, к кому, по сути, приехали. Я жила с мамой, папой и бабой Татой. Баба Света с дедом Колей жили отдельно. Олег со своей семьей – в соседнем доме.

В моей семье всегда все было всем на зависть. Про мою маму говорили: «Как сыр в масле катается». Мой папа хорошо зарабатывал. Я росла красавицей и умницей. Наши отношения с мамой были больше дружеские, чем сугубо «дочки-матери». Маме я могла доверить свои самые сокровенные тайны и вопросы. К годам десяти я и выглядела, и рассуждала как пятнадцатилетняя. Все подруги были старше меня, не считая одноклассниц, которыми я играла, как хотела. Сегодня дружу с одной, завтра моей лучшей подругой становилась другая. Меня все любили и хотели быть со мной. На меня равнялись и мне подражали. Я была примером и идиолом для многих девочек, объектом желаний для мальчиков. В день Святого Валентина я предложила завучу повесить ящик для валентинок, как в Америке. Повесили. Сколько же

валентинок в тот день я получила – просто не счесть! Мне завидовали и мной восхищались. В валентинках признавались в любви и предлагали дружить. На меня обратил внимание главный хулиган и бунтарь школы, и я влюбилась в него. Не сразу, конечно. Спустя недели две. Но мне тогда казалось, что это настоящая любовь. У меня бабочки порхали в животе, и я плакала от того, что мы не вместе. Первая детская любовь и первые осколки маленького разбитого сердца.

Меня любили. Тогда любили. Три главные женщины моей жизни – мама, бабушка и прабабушка. Отец и мой Анкл. Как-то, когда мой папа еще ездил на электричке с дачи на работу, он оставил для меня сюрприз под подушкой – жвачку. Но собака Мишка вытащила эту жвачку, а когда я проснулась, увидела Мишку, который в лапах зажимал эту жвачку, а мордой растягивал резинку в разные стороны. Я расплакалась. Но не из-за того, что осталась без жвачки. Мне стало жалко папу. Он хотел сделать сюрприз, а собака все испортила. Но в Сочи мы с папой отыгрались. В шутку затеяли спор. Конечно, папа знал, что проиграет, и предложил мне любое желание в качестве моего выигрыша. Я не растерялась и сказала, что хочу упаковку из 20-ти жвачек Love is. Я, конечно, выиграла и ходила с полным ртом резинок, и надувала огромные пузыри. А четвёртого ноября каждого года у папы был день рождения. И на 35-ый день рождения я решила устроить любимому папе сюрприз. Всю ночь я не спала, надувала шарики и рисовала плакаты. Периодически подходила к окну, за которым кружились хлопья первого снега, отражались и блестели от уличных фонарей, ложились воздушным ковром и покрывали голые деревья... А на утро папа пожарил мои любимые картофельные блинчики, и нам троим было радостно и уютно.

В моей семье было много праздников, торжеств и простых посиделок, но Новый год был один. И каждый Новый год был особым праздником. Мы с мамой наряжали елку, украшали дом, мне дарили море подарков, и всегда был шикарный стол и куча гостей. В новогодние праздники мы с папой, мамой и бабушками ездили в лес на прогулку: я каталась на лыжах, взрослые гуляли, согревались водкой и закусывали бутербродами. А потом они ехали в так называемый ресторанчик, представлявший собой территорию с отдельно стоящими домиками и открытым мангалом. В самом уютном домике все ели плов и манты, заказывали шашлыки и лепешки, а взрослые, конечно, пили водочку. Денег в нашей семье хватало. Хватало на хороший ремонт, шикарную одежду, дорогую машину и путешествия. Мама, я и бабушки одевались в лучших бутиках, папа следил за собой и выглядел ухоженным и импозантным молодым мужчиной. У моего отца было несколько магазинов с фототоварами и фотоуслугами. В начале 2000 года эта тема была на пике популярности, и отец ловко вел дела, открывая одну точку за другой. Потом он снял в аренду огромный комплекс, где можно было купить все: от еды до косметики. В преддверии Нового года всегда была очень большая выручка, на которую можно было жить не один год, но мамины расточительство и страсть к «жить одним днем и на широкую ногу» приводило лишь к шикарным подаркам себе и близким, роскошной одежде и обуви, деликатесам и элитному алкоголю. Во время одного из очередных застолий моя семья решила, что одного помощника папе будет мало, и возникла идея привлечь к его бизнесу Олега. Что моментально было всеми одобрено и обмыто немалым количеством спиртного. Так мой любимый Анкл стал работать вместе с папой. Конечно, моя семья еще больше сблизилась. Выходные все вместе – с Олегом, его женой Лидой и всеми родными – проводили на даче: жарили шашлыки по вечерам, Олег играл на гитаре и пел душевные песни Высоцкого, Розенбаума и других неизвестных тогда мне исполнителей, чьи песни я помню сейчас наизусть. На следующий день все ездили купаться на канал им. Москвы, взрослые снова жарили шашлыки, пили водку и громко слушали Ляписа, Штурм и «Несчастный случай». Иногда мы с мамой собирали землянику, которую нанизывали на травинки, и делали вкусные браслетки. А осенью всей семьей ходили за грибами, и все пили алкоголь (кроме меня, конечно): для зоркости глаза, за первый и третий гриб, за первую собранную корзину и уxo-

дящее лето, за чистый воздух и красоту осени, за крепкую семью и за любовь... Они постоянно пили, если задуматься. За новую мебель, за ремонт, за новую одежду, чтобы носилась, за всех и за все. Первый раз я попробовала алкоголь года в четыре. Благодаря шутнику Олегу. Я лазила под столом во время какого-то праздника, а за столом разливали ликер. Анкл налил в рюмку-сапожок немного ликера и угостил меня, незаметно сунув руку с рюмочкой под стол. А еще именно Олег приволок в дом собаку Мишку. Он нашел его на первом этаже нашего подъезда еще совсем маленьким и жалким щенком. Была зима, стало жаль собачку. Принес к нам в квартиру. У моего папы вскоре началась аллергия, и собаку отдали бабе Свете и деду Коле. К счастью, пес Мишка стал для бабушки и деда любимым «сыночком», и они души в нем не чаяли, особенно дед. Я как сейчас помню: когда наступило лето, все снова поехали на дачу. Олег взял меня и Мишку в лес на прогулку. Был невероятно солнечный день, отличное настроение, Олег постоянно шутил, а я заливалась от его юмора. Вскоре мы набрали на какую-то лужайку в березовой роще и улеглись на свежую траву. Пес Мишка, уже подросший щенок, носился по лужайке и радостно лаял. Анкл курил американские сигареты Camel и показывал мне верблюда на пачке. Олег любил меня. А я любила его. Мне всегда с ним было очень весело и просто. Он был моим лучшим другом, человеком, который всегда все поймет и не предаст. Никогда... А когда я была совсем еще маленькая, Олег иногда забирал меня из садика. И это был маленький праздник для нас двоих. Он приводил меня домой и готовил яичницу по-холодьяцки: поджаривал кусочки белого хлеба и заливал их огромным количеством яиц – штук 13. Я помню все. Помню до слез. И душа рвется на части...

В детстве я много и часто болела. У меня было все и сразу: от ОРВ до бронхиальной астмы, сколиоз, ВГСД, аритмия и хронически пониженное давление. А еще я всегда была полненькой. Такой уж уродилась, как говорила баба Нина (папина мамаша). Моя мама постоянно сажала меня на диету, садилась сама, пыталась приобщить меня к спорту и приобщалась сама. Но не наше это, по ходу, было. Мама в итоге срывалась, а меня баловала вкусеньким. Готовила мама волшебю. Ко мне постоянно приходила противная врачиха и констатировала: «Холодильник от ребенка запирайте на замок». Я всегда очень стеснялась и сильно втягивала живот, чтобы торчали кости. На что врачиха говорила: «Ладно уж тебе, выдохни. И дыши!» И слушала меня специальным приспособлением – стетофонендоскопом. Моя медицинская карта была такая же толстая, как я. К 10-ти годам таких карт у меня было уже три. А потом я как-то резко перестала болеть. Только иногда симулировала. Чтобы не ходить в школу. До безумия любившая меня мама, конечно же, верила и вызывала врача. И я оставалась дома и «болела» неделю, а то и две... И всем было хорошо и спокойно. Вечерами часто заходил Олег со своей собакой, привязывал ее у порога, и взрослые разговаривали до поздней ночи на кухне. Как-то я отвязала собаку, та рванула в мою комнату, к моим игрушкам и разодрала их всех: плюшевых мишек, у кукол отгрызла головы, расчленила резиновых пупсов на конечности и, забравшись под кровать, рычала и не хотела долго выходить. Я ревела и прижимала к себе того смешного слоника, которого мама подарила мне на четырехлетие.

Мое детство прошло в компании любящих и любимых мной родных. Я всегда хотела сделать всем приятное и блеснуть своими талантами. Для каждого торжества я придумывала какие-то номера, пела, конечно, играла на пианино, танцевала и читала собственные стихи. Лет в восемь я начала писать рассказы помимо стихов. Иногда на выходные меня забирала к себе домой баба Света. Мы ходили гулять с собакой Мишкой. Баба Света всегда покупала мне всякие вкусности и готовила простую, но очень вредную и вкусную еду. Макароны по-флотски и жареные пельмени. А еще бабушка с дедом разрешали мне допоздна смотреть телевизор. И я мерила все бабушкины платья и украшения. Однажды я сказала бабушке, что знаю – моя мама скоро умрет. И что мне очень страшно. Баба Света очень разволновалась, строго-настрого запретила мне даже думать об этом, и больше такие разговоры мы не заводили. Я

всегда чувствовала, что мамы скоро не будет. Впрочем, скорее всего, и материнское сердце бабушки предчувствовало беду.

Каждый год майские праздники у моей семьи начинались с открытия дачного сезона. Дача, доставшаяся моему деду в советские времена, находилась в 70 км от Москвы. На дачу ездили на двух машинах: я с родителями – в одной, а бабушка с дедом и собакой Мишкой – в другой. На майские было холодно, но в доме – тепло и уютно. Дед топил печку и включал в каждой комнате по обогревателю. Кухня и обеденный зал находились в другом небольшом домике, и завтрак мне приносили прямо в постель. Я обожала эти простые и невероятно вкусные завтраки: клинские котлеты с толстенными макаронами в сливочном масле на гарнир. Уже с самого утра все начинали выпивать, кроме деда. Что-то делали по хозяйству, но в основном пили, разговаривали и готовили. Каждый вечер жарили шашлыки и снова пили. Иногда приезжал Олег, и было еще веселее. Майские праздники заканчивались. Я доучивалась в школе, и меня отправляли на все лето на дачу. Мои родители, Олег и его жена Лида приезжали только по выходным. Основное время я была с бабушками. Приезжали мои подружки: Аля и Лена. Мы гуляли, ходили на пруд, бегали друг к другу смотреть сериалы: «Антонелла», «Вдова Бланко» и «Дикий ангел». Мы с Алей были очень близки и даже называли друг друга сестренками. С Леной – слишком похожи характерами, поэтому иногда даже ссорились. Но через 10 лет все изменилось. Мы отделились друг от друга. На дачу я приезжала уже совсем в другую компанию. И так наши пути разошлись...

Я очень любила животных и очень хотела котика. Шли мы как-то с бабушкой из леса с банками, полными черникой, через соседнюю улицу домой. На заборе одного из участков я увидела объявление, что бесплатно раздают котят. Конечно, мы с бабушкой окликнули хозяев участка и попросили посмотреть котят. Тут я увидела его – маленького пушистика окраса «рысь» с невероятно голубыми глазами. Все котята были хороши, но этот выделялся. Он сразу полез ко мне на ручки, стал тереться о меня и мурлыкать. Котята были совсем маленькими, и пол был неизвестен даже хозяевам, поэтому я назвала котенка Мартой, и мы с бабушкой стали ждать приезда родителей, чтобы вместе вернуться и показать котенка маме с папой. Благо, была пятница, и родители приезжали вечером. В субботу утром они бы смогли забрать Марту. Мы «забронировали» котенка и распрощались с хозяевами пушистиков до следующего дня. Я ни на что не надеялась. Во-первых, у нас был пес Мишка, который всегда гонялся за котами, во-вторых, у папы была аллергия, что являлось главным аргументом не заводить никаких животных. Но, видимо, появление котика в жизни нашей семьи было чем-то судьбоносным, и после недолгих уговоров все вместе пошли смотреть котенка. Либо хорошее настроение родителей после выпитого с утра алкоголя сыграло роль, либо мое нытье и уговоры, но уже в субботу котенок был у нас дома. Пес Мишка сразу почуял неладное. Взрослые закрыли котика в одной из спален и кормили-поили его там. Смастерили ему место для туалета и Мишке не показывали. Странно, но собака, которая от вида любого кота приходила в бешенство и гонялась за ними, готовая разорвать на части, постепенно знакомилась с котенком. Нюхала его, не гоняла, никогда не кусала и не скалилась. А со временем они стали неразлучны. Когда кто-то ругал котенка, Мишка моментально вставал на его защиту: загораживал собой и рычал, скалился на того, кто смел обидеть котика. Да, примерно через месяц все узнали, что котенок – мальчик, и он был переименован из Марты в Мартика. Невероятно умный и ласковый кот – добрый и игривый – стал всеобщим любимцем и полноправным членом нашей семьи.

Моя семья была большая и дружная. Все были неразлучны. Особенно я с мамой и бабушками. Баба Тата отличалась строгим нравом и своеобразным характером. Но это не мешало ей любить своих детей и внуков всем сердцем: меня, своих внуков – маму и Олега – и свою дочь – мою любимую бабушку Свету. Именно в таком порядке отличались ее любимчики в нашей семье. Из года в год особо ничего не менялось. У нас водились деньги, была любимая дача, постоянные праздники и я – отличница, умница, красавица. Все портило одно – постоянные

застолья с алкоголем. В моей семье пили почти везде и всегда. Шли ли семьей в Большой театр или гуляли в лесу, отправлялись ли в гости или просто встречались за праздничным столом в воскресный день. Алкоголь сопровождал моих родных постоянно. Каждое лето меня возили к морю. Втроем – за границу (я с мамой и папой) или вчетвером – на побережье Черного моря (с бабой Светой). Иногда с нами выбиралась и лучшая подруга мамы Ирина – модельной внешности, красавица, шикарная женщина. Каждый вечер мы ужинали в разных ресторанах курортных городков. Шумно, весело, с избытком еды и спиртного для взрослых. Бабушка покуривала. Ей это шло. На маму постоянно заглядывались мужчины. Папа ревновал. Может, именно по этой причине он не желал, чтобы его жена работала. Объяснялось все просто: денег хватает. Дома лучше. Сама себе хозяйка. И дочка под присмотром. Но были и в нашей семье не особые приверженцы выпивки. А именно: жена Олега – амбициозная, невероятно красивая и сильная Лида. Стремящаяся к хорошей жизни и независимости. Совсем молодой Олег, несмотря на глубокую привязанность к своей матери, сестре и любимой племяннице, привыкший к образу жизни семьи, безусловно прислушивался к своей жене. И со временем все изменилось...

С годами пики продаж и востребованность предлагаемых моим отцом услуг и товаров сходили на нет. Технический прогресс не стоит на месте, и чтобы всегда быть на коне, нужно регулярно работать, отслеживать потребности потребителей и периодически менять свою бизнес-пирамиду. Но папа не хотел ничего менять и рассуждал примерно так: «Пусть стало на несколько магазинов меньше. Ничего – нам и так денег хватает. Пусть пришлось распрощаться с лучшими кадрами – незаменимых не бывает». В итоге отец расслабился и большую половину времени проводил дома. Основные задачи и решение вопросов, закупку товаров, переговоры с партнерами он повесил на плечи Олега, а сам прекрасно проводил время в компании своей жены за деликатесами и алкоголем. Так продолжалось примерно год. Безусловно, Олегу и его семье такой подход со стороны моего отца не нравился. Выходило, что Олег вел дела и был таким мальчиком на побегушках. Папа платил деньги и говорил, что все оплачено – батрачь. Так и разругались. Скандал произошел на мой юбилей – десятилетие. Все, как обычно, изрядно выпили, слово за слово. Жена Олега сообщила о намерении открытия собственного бизнеса. Что папе с его ухудшением дел абсолютно не понравилось. Начались высказывания нелицеприятного характера в адрес друг друга. Говорили все. Говорили многое. А потом Олег с Лидой собрались и уехали. Мама с бабушкой рыдали, папа всех успокаивал, разливая по рюмкам водку. А с утра они обнаружили полпакета соли, рассыпанной на кухне. Конечно же, во всем оказалась виновата соль...

Как раз в это время начался кризис в стране. Сильно взлетел доллар. Фотоуслуги и фототовары сходили на нет. Техника совершенствовалась, и то, что раньше было модно и современно, постепенно сходило на нет. Мой отец это понимал, но цеплялся за свое дело и не хотел совершенствоваться в новых направлениях. Он все чаще оставался дома. Они на пару с мамой выпивали, строили какие-то неосуществимые планы, надеясь на лучшее. Под алкоголем всегда все видится в розовом свете: и вроде проблем нет, а если есть, то незначительные и решаемые. Только захотеть, щелкнуть пальцем, и все будет. Так думал папа. Как же он ошибался.

Примерно спустя год у моего отца осталось две основные точки, где он еще что-то зарабатывал. Но никакие заграничные, деликатесы и бутики в нашей жизни больше не фигурировали. Моя семья ездила на дачу из лета в лето. Остальное время я училась и лечилась. Я частенько болела и ходила то на витаминные уколы, то на физиотерапию со сколиозом спины. То еще куда-то. Мама уже тогда начала сдавать. Мне было 12 лет, когда в декабре был последний день рождения любимой мамы. Она пила каждый день. И мой отец на это смотрел спокойно. Я не понимала, почему. Нет, он любил маму. Но у каждого свои тараканы в голове. Отец не хотел плохого своей жене. Тем более ее смерти. Но он свято верил, что все на свете можно вылечить алкоголем. Большую голову, понос и плохое настроение. Моя мама пила каждый день.

Из школы я уже сама добиралась через железнодорожные пути. Моя мама напивалась и просто забывала встречать меня. На последний день рождения любимой мамочки я купила букет цветов, нарисовала открытку и сочинила стихотворение. Придя домой, я увидела все ту же картину: мама пьяная спит в своей комнате, в которой стоял невыносимый запах перегара. Я села на кровать, положила цветы и подарок на пол и стала плакать. Я знала, что моей мамы скоро не будет. Мама проснулась, увидела, что ее дочь плачет. Обняла меня и стала плакать тоже. Мне было противно, что мама снова пьяная, но я нашла в себе силы поздравить ее и прочитать стих. Такой слезливый и душещипательный, что после него маме срочно понадобилось залиться очередной порцией водки. Вечером должна была приехать баба Света, папа решал какие-то свои рабочие дела, еще собиралась зайти Ирина и мамина тетя. Я стала помогать маме собираться. Отвела в душ, накрутила, причесала, придела. Вечером было море пьяных слез и много алкоголя. Как сейчас помню: мама постоянно просила свою подругу Ирину позаботиться обо мне, потому что мама знала, что скоро умрет.

Перед Новым годом внезапно заболел котик Мартик. Ветеринары не могли понять, в чем дело. Все анализы были в порядке. Но он сгорел буквально за неделю и умер. Я думаю, что Мартик забрал мамин недуг на себя – такое же бывает... А через неделю погибли все живые цветы в нашей квартире, а цветов было немало. Маме становилось все хуже и хуже. Она много пила, отекала, у мамы сильно болела поджелудочная. Но все лечилось одним средством – водкой. От врачей и госпитализации отмахивались. Лишь когда маме было совсем плохо, вызывали скорую, и врачи на дому ставили капельницы. К Новому году я купила рыжего котенка и принесла его «на счастье». Он умер через два дня...

Новый год встречали у бабушки Светы. Рядом с ее домом, буквально через 50 метров, находился шикарный и дорогой лицей. Маминим единственным желанием было определить меня в этот лицей. После новогодних каникул я уже шла в новый коллектив, в новый лицей. Сначала я жила дома, и меня возил водитель, как и всех других детей богатых родителей. Потом на водителя денег у моего отца не стало, и я потихоньку перебралась к бабушке. На каждые выходные я приезжала домой. Дома была все та же картина. Пьянство. Для меня было праздником, когда я видела маму трезвой. Каждый день я звонила из лицея домой. Слыша трезвый голос мамы, я была просто счастлива, и эти моменты радости будут храниться в моей памяти до конца жизни. Мне было тяжело. Новый коллектив. Новые знакомства. Спасали подруги из прежней школы, с которыми я встречалась на выходных. Меня принимали в лицее долго. Я составляла конкуренцию королеве лицея, у которой, как и у меня, была вереница подруг и поклонников. До моего прихода. Лидерство переходило ко мне. В итоге мы с «королевой» поняли, что врага нужно держать ближе, и стали подругами.

Каждый год на 23 февраля родители, бабушки и я ездили на кладбище. В эту дату много лет назад умер брат бабушки Светы, и взрослые, конечно, там поминали его. Поминали алкоголем, ели бутерброды, разговаривали, что-то вспоминали. Тот день был солнечным и снежным. Чирикали птички, у мамы и бабушек было приподнятое настроение, они считали птичек, выпивали и говорили обо всем подряд. Долго они в тот день пробыли на кладбище. У меня от мороза чуть не отвалились ноги. Позже все поехали домой и продолжили застолье в тепле и под новую порцию алкоголя.

Я в те годы, наверное, как и все девочки моего возраста, вела личный дневник. Предчувствие чего-то страшного у меня началось еще в начале мая. Я писала об этом в своем дневнике. К концу мая – 20 числа – моя запись начиналась со слов: «Я знаю – мама умрет». 22 мая: «Мама умерла»...

20 мая, в воскресенье, я была еще дома. Почти весь день моя мама спала. Вечером она пришла в мою комнату, была ласковой и нежной, от мамы пахло перегаром и свежим халатом. Проспавшись, она протрезвела, и я была счастлива. Мы немного поболтали, потом обнялись и пожелали спокойной ночи друг другу. Но я решила сделать приятное маме и напи-

сала письмо, которое она должна была открыть после моего отъезда. В письме я написала, как люблю свою маму, как скучаю по ней, как не хочу, чтобы она пила, и как всегда жду встречи с ней и новых выходных... Я вышла в гостиную, где увидела, как мама наливает себе вино и пьет залпом, скорее всего, уже не первый бокал. У меня навернулись злые слезы на глаза. Я швырнула в маму свое письмо, предварительно скомкав, и сказала: «ТЫ – АЛКАШКА! НЕНАВИЖУ!» Но мама неожиданно нежно потрепала меня по голове и мягко сказала со слезами на глазах: «А ты – дурашка». Я ушла в свою комнату, хлопнула дверью и проревела всю ночь. Это был наш с мамой последний разговор. Утром понедельника я выходила с папой из квартиры. Дверь в родительскую спальню была открыта. Тогда я увидела свою маму в последний раз. Она спала. Лицо было трезвое, но измученное, болезненное. Волосы на голове превратились в большой колтун, дышать даже в коридоре было невозможно. На прикроватной тумбочке лежало мое письмо, только бережно разглаженное... На мои глаза вновь навернулись слезы, я отвернулась и вышла из квартиры.

22 мая в 9 утра раздался громкий, такой пронзительный звонок телефонного аппарата. Я поняла, что звонок страшный. Телефон даже звенел как-то по-особенному. Я скрылась в туалетной комнате, затаив дыхание и закрыв глаза. Я ждала... Ждала известие о том ужасном, о чем думала все это время. Сначала я услышала, как моя бабушка тихонько сказала в трубку «Что?». Потом во весь голос, с дикими рыданиями, просто завопила это: «Что???». Кинулась ко мне в туалетную комнату с криками: «Мама! Мама умерла!» Я молчала. Я знала. Я не плакала и не истерила. Не знаю, почему, но я почувствовала мерзкое облегчение, и мне стало невыносимо больно и стыдно. У меня все было как в тумане. Приехал дед с работы, пес Мишка лаял и выл, как заведенный. Потом я оделась, бабушка продолжала выть. Именно выть навзрыд. Страшно и громко, как воют волчицы, теряя своих детенышей. Дед плакал и прижимал меня к себе. А я сидела и смотрела в окно. На зеленую и свежую майскую листву на деревьях, на пасмурное небо, начинавшийся дождь. Я сидела, у меня текли слезы. Тогда я плакала по-настоящему последний раз. Я понимала, но не осознавала, что происходит. Мне не было страшно. Мне не было больно. Я просто как-то сразу стала пустая внутри. Потом я с бабушкой и дедом добралась до нашего дома. Первое, что я увидела – это как из подъезда выносят матрас родительской кровати: весь в чем-то красном – либо в вине, либо в крови... Мы с бабушкой и дедом вышли из машины. Ко мне сразу подбежала Лида. Стала прижимать к себе, что-то говорить. Мы поднялись в квартиру. Там стоял запах алкоголя, чего-то ветхого и успокоительных капель. Сбежались все родственники. У всех были потерянные лица, и никто не знал, как смотреть на меня, что говорить. Я ведь молчала. Я не плакала. Я была где-то в другом мире... Потом меня забрала к себе семья Олега на три дня – до похорон. Лида всегда была рядом со мной и пыталась, как могла, отвлечь меня и утешить. Только все было зря. Я была спокойна. В день похорон я смотрела на свою маму в гробу и не верила в происходящее. У меня текли слезы, но не более того. Все попрощались с телом мамы и поехали домой. Следующие дни, вплоть до того, пока меня не увезли на дачу на лето, я помнила туманно. Баба Света всегда плакала. Баба Тата держалась, но срывалась, и они плакали вместе. Мой отецпил и плакал. Дед был в себе. Олег переживал горе со своей семьей. Все закончилось. Я с папой, бабушками и дедом уехала на дачу. Зайдя в комнату мамы, я увидела ее тапочки и халаты – зеленый и синий. Я упала на пол, сгребла в кучу мамины халаты, еще какие-то вещи из шкафа, зарылась в них с головой, ощущая еще теплоту и запах родной мамы, и так проревела, наверное, целую вечность. Так, каждый день все напоминало мне о маме. Бабушка постоянно пила и плакала. Папа не мог выдерживать и тоже пил, и плакал. Мои подруги Аля и Лена поддерживали меня, как могли. Но было решено собрать все мамины вещи и на некоторое время уехать к родителям отца – к бабе Нине и деду Ване в другой город. Там мы с папой раздали все вещи в церковь и жили в деревне его родителей. Я видела состояние отца. Не раз я наблюдала, как по ночам любимый папочка рыдает в распахнутое настежь окно, или слышала его жуткие

всхлипы в уборной, которая была во дворе. Смерть жены подорвала психическое здоровье моего отца, и он не мог обходиться без меня. Папа просто не мог находиться один. Мне не нравилось в деревне папиных родителей. Но я не могла оставить его одного. На тот момент отец был моим единственным родным и любимым человеком. Очень часто по вечерам мы смотрели на небо и считали звезды. Баба Света постоянно пила и зациклилась на своем горе. Она была не в себе. Хоть и ждала меня и папу на дачу. Но я не могла выносить состояние бабушки. Мне казалось, бабушка Света сходит с ума. По большому счету так и было. Спустя несколько месяцев дед, придя с работы, нашел бабушку Свету в ванной комнате с веревкой в руке, готовящейся к суициду. Спустя только долгие и долгие годы я поняла, как я была нужна своей бабушке... Но в силу возраста и собственного замешательства я не уделяла бабушке должного внимания. И все произошло так, как произошло. Ничего в жизни не перепишешь. Все случившееся тогда было ужасом для ребенка, жившего в семье «полная чаша». Но если бы не мои дальнейшие беды, страдания и постоянная борьба, я бы не стала тем, кем стала. И как же жалеть бедную маленькую девочку. Только странно, что все, по сути, жалели только себя, а в дальнейшем им до меня дела не стало и вовсе...

Маме...

Мамочка моя милая, я помню тебя, любимая.
Красивая, неповторимая, тебя же уже не вернешь...
Я помню тебя, свое прошлое, свою боль, но ты не поймешь...
Тебя нет и больше не будет, но я мечтаю, что чудо тебя разбудит!
И будет все у нас, как раньше: моя рука в твоей руке;
Мы снова вместе, рядом, но ты в глубоком сне...
Я так хочу с тобой быть рядом!
Обнять, поцеловать, поплакать, посмеяться,
Секретами делиться, шутить и забавляться.
Я помню каждое мгновенье, заботу, нежность и любовь.
Я вспоминаю твои руки, тепло объятий вновь и вновь.
Тебя никто мне не заменит, не будет больше матери.
Но не вернешь того, что было. Лишь пустота теперь внутри.
Тебя ничто уж не разбудит, ты не вернешься никогда.
Я буду помнить, верить буду, что ты со мною навсегда:
Следишь за мною, наблюдаешь, спасаешь от невзгод и бед,
И нет на свете лучше мамы, чем ты... была, но больше нет.

Уже прошло немало лет, тебя уж нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.